

МОТИВ СУДЬБЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Ч.Т. АЙТМАТОВА

*Мамытбекова Айжамал Таалайбековна,
Магистрант группы ФББ(ОТ)маг-1-21
ЖАГУ, г. Жалал-Абад, Кыргызская Республика*

Аннотация: Рассматривается мотив судьбы в романном творчестве Ч.Т. Айтматова как аспект, который позволит сделать выводы о взаимосвязи отдельного человека и общества, отдельного человека и мироздания.

Ключевые слова: судьба, жизнь, истина, смерть

Ч. АЙТМАТОВДУН ЧЫГАРМАЧЫЛЫГЫНДАГЫ ТАГДЫРДЫН МОТИВИ

*Мамытбекова Айжамал Таалайбековна,
ФББ(ОТ)маг-1-21 группасынын магистранты
ЖАМУ, Жалал-Абад, Кыргыз Республикасы*

Аннотация: Ч.Т. Айтматовдун романдарындагы тагдыр мотиви инсан менен коомдун, инсан менен ааламдын мамилеси жөнүндө тыянак чыгарууга мүмкүндүк берүүчү аспект катары каралат.

Ачык сөздөр: тагдыр, жашоо, чындык, өлүм

THE MOTIVE OF FATE IN CH. T. AITMATOVA

*Mamytbekova Aizhamal Taalaibekovna,
Master student of FBB(OT)mag-1-21 group
JASU, Jalal-Abad city, Kyrgyz Republic*

Abstract: The motive of fate in the novel work of Ch. T. Aitmatov is considered as an aspect that will allow drawing conclusions about the relationship between the individual and society, the individual and the universe.

Keywords: fate, life, truth, death

Для разных эпох и религиозных сознаний характерно специфическое восприятие воли, определяющей жизнь человека. Уникальность творческой индивидуальности Ч.Т. Айтматова в том, что в его произведениях соседствуют образы и идеи разных культур, в частности, его концепция судьбы объединяет идеи разных культур. Особенность Айтматова в показе судьбы человека заключается в том, что он широко использует исторические параллели, мифологические сюжеты и народные легенды, углубляясь с их помощью в мировоззрение своих героев.

По проблемам «тема судьбы», «судьба человека» в художественной литературе проводились научные исследования, писались диссертационные работы. Большой интерес вызывают труд Е.Н. Григорьевой «Тема судьбы в русской лирике первой трети XIX века» (Л., 1990), кандидатские диссертации Л.В. Блескуна «Человек и его судьба в русском рассказе 1960-80-х годов» (М., 1992), Текешова М.Б. «Художественное отображение проблемы судьбы в романе Ч. Айтматова «Когда падают горы» (Вечная невеста)» (Бишкек, 2016), Васильева Ю.О. «Проблема антропологического кризиса в поздней прозе Ч. Айтматова и В. Распутина» (Саратов, 2018) и т.д.

Рассмотрим на русском языке происхождение и значение слова «судьба». Судьба - происходит от праслав. **soǒbba*. В древнерусском языке слово известно с XI в., но чаще всего оно употреблялось в значении «суд», «приговор». Развитие значения: «правосудие» → «приговор» → «божий суд» («приговор небесных сил») → «предопределение», «рок».

На кыргызском языке «Тагдыр (Судьба)» - событие, предопределение, происходящее в жизни человека независимо от его воли. Кыргыз тилинин создугу. Б.:

2010, -с.1128. Имеет арабское происхождение. Однокорневое слово «кадар». «kader». В арабском языке «akdar» обозначает единственное число, исходное значение: (deger, kudret – оценка уважения, качество-могущество). Таким образом, слово «тагдыр» (судьба) в своем исконном значении обозначает «Могущество Аллаха, его оценка и желание».

В энциклопедическом словаре трактуется таким образом, «судьба» в мифологии, в иррационалистических философских системах, в обывательском сознании неразумная и непостижимая предопределенность событий и поступков. В античности выступала как слепая, безличная справедливость (др.гр. Мойра), как удача и случайность (Тюхе), как всеохватывающая непреложная предопределенность (фатум). Вера в судьбу часто связывалась с астрологией. Христианство противопоставило идее судьбы веру в божественное провидение. В обыденной речи часто означает: участь, доля, жизненный путь, стечение обстоятельств.

Образ судьбы в позднем айтматовском творчестве значительно эволюционирует. Его анализ позволит уточнить место человека в концепции мира писателя.

Рассмотрим роман «И дольше века длится день». В построении реалистического плана романа «И дольше века длится день» очень много традиционного: судьба человека тесно переплетена с судьбой народа. Это черта, которая определила все творчество писателя: его герои неотделимы от той эпохи, в которой они живут. Выделим контексты, в которых под словом «судьба» имеется в виду сила, направляющая определенным образом жизни героев. Часть из них объясняет, почему герои оказались на Буранном полустанке («кажется, что где-то в другом месте, среди других людей ему бы повезло, а тут он по ошибке судьбы» [122]; «а вот судьба принудила, притолкала их в сарозеки» [200]; «судьбе угодно было поселить эту семью на Боранлы-Буранном» [210]). Возникает ощущение, что главные герои романа неслучайно оказались на полустанке. Их привели сюда конкретные обстоятельства. Здесь понимание судьбы близко к концепции социальной детерминации: «Рядовой человек испытывает социальные отношения, в которых он пребывает, как род длящегося фона, на котором выделяются лишь отдельные случаи. Он их испытывает, как испытывает вкус хлеба насущного Он в них заключен. И эта заключенность в свою очередь воспринимается как власть, как гнет, как судьба».

Однако айтматовскую судьбу не стоит трактовать в чисто социальном ключе – в романе определяющая все сила представляется гораздо более многогранной. «Я прошел и испытал столько, сколько другому, дай бог, за сто лет не придется, я еще живу и дышу, не зря, должно быть, судьба предоставляет мне такую возможность» [173], – осмысляет свою жизнь Абуталип. Суждено было пройти Едигею испытание любовью к Зарипе («Это его судьба – на роду, должно быть, так написано, что разрываться суждено как между двух огней» [388]).

Думается, что судьба у Ч. Т. Айтматова индивидуальна, а направляющая сила истории – лишь одна из ее составляющих. Герои первого романа Ч.Т. Айтматова не пытаются бороться с судьбой, они чувствуют свойственную человеку ограниченность: «мир велик, а человеку не все дано знать» [128]. Во всем произведении присутствует эпический взгляд на происходящее: можно что-то осмыслить, можно взять какие-то уроки на будущее, но в прошлом ничего изменить не удастся. Отсюда отсутствие возможности бороться с судьбой как черта мироощущения большинства героев.

Во втором романе Ч.Т. Айтматова мотив судьбы тоже начинает обнаруживать себя уже с заглавия. Плаха – место казни, поэтому создается впечатление, что судьба для автора – путь к жертвенной смерти. Слово «судьба» встречается в «Плахе» гораздо реже, чем в первом романе Ч. Т. Айтматова. При этом оно практически полностью исчезает в девальвированном значении. Под судьбой чаще всего имеется в виду не просто стечение обстоятельств, а более конкретная, управляющая всем сущим сила. Слово «судьба» в таком значении впервые появляется в несобственнопрямой речи Авдия. Герой надеется, что «рано или поздно судьба предоставит ему возможность приоткрыть людям суть своих

умозаключений» [516]. Ингу Федоровну он считает «даром судьбы». Попад в Пушкинский музей, бывший семинарист приходит к выводу, что «все-таки судьба есть, она определяет добрые и худые события» [530]. Слушая концерт староболгарского храмового пения, Авдий размышляет о том, что «редкая судьба могла устроить такое чудо – чтобы именно они, эти десятеро, отмеченные свыше, родились примерно в одно и то же время, выжили и обнаружили друг друга» [534]. Гурам Джохадзе, герой легенды «Шестеро и седьмой», говорит: «Судьба отвернулась от нас, потому и народ в большинстве своем отвернулся от нас» [541]. И еще: «судьба в лице этих зверей смилостивилась» [581] над человеком (эпизод, когда Акбара перепрыгнула бегущего голышом Авдия, не причинив ему вреда).

Важно еще и то, что судьба дается в романе сквозь призму мировосприятия героев, т.е. каждый понимает ее по-своему. На наш взгляд, Авдию принадлежат многие айтматовские мысли о судьбе – они являются сквозными в творчестве писателя. Так, в словесной схватке с Гришаном Авдий заявляет, что «не бывает изолированных судеб, нет отделяющей судьбу от судьбы грани, кроме рождения и смерти. А между рождением и смертью мы все переплетены, как нити в пряже» [591].

С одной стороны, смысл слов Авдия конкретен: Гришан уверен, что он вправе жить, как хочет, а его оппонент всеми силами пытается доказать ему, что человек не должен делать то, что принесет зло другим.

С другой стороны, в контексте целого романа и всего творчества Ч.Т. Айтматова звучит трагически заостренная мысль: за зло, совершенное одним человеком, расплачивается человечество. Кара настигает невинных – это должен помнить каждый, кто решается преступить нравственный закон. Хорошо заметен мотив судьбы и на фабульном уровне романа. Авдий как будто ищет судьбу, пытается уловить ее волю, однако создается впечатление, что все же его направляет не высшая сила, а собственная идея.

Несколько другая доминанта мотива судьбы чувствуется в сюжетной линии Акбары и Ташчайнара. По вине людей погибло три выводка их волчат. Изведенная тоской Акбара похитила маленького Кенжедеша, признав в нем существо, похожее на волчонка. «Осторожно, чтобы не поранить шейку, волчица ухватила малыша за ворот курточки и резким рывком перекинула на загривок – таким манером волки утаскивают из стада ягнят». Волчица не хотела зла ребенку, она относится к нему с материнской нежностью. Здесь ситуация античной трагедии: виновных нет, все сведено судьбой в единый узел, разрешить ситуацию невозможно. Бостон стреляет в стремительно убегающую с Кенжедешом волчицу и убивает сына.

В «Плахе» можно выделить черту мировоззрения Ч.Т. Айтматова, которая полностью раскроется в его следующем романе. Мир людей и мир животных видится ему двумя единствами. Если представитель одного единства причиняет зло представителю другого единства, это зло обязательно вернется, но, скорее всего, не непосредственно к злодею, а к его сородичу. Ведь Бостон как раз резко выступил против подлого поступка Базарбая, он как будто почувствовал боль Акбары и всеми силами пытался исправить ситуацию, хотел даже выкупить волчат и подложить их обратно в логово.

Воля судьбы чувствуется во всем жизненном пути Бостона. Начиная повествование об этом герое, Ч. Т. Айтматов пишет: «Судьба ему выпала тяжелая: отец его погиб на войне, когда он во втором классе учился, потом умерла мать, старшие братья и сестры жили сами по себе, иных уже и не было в живых, и он всем был обязан только себе, только своему труду» [713]. Это трудолюбие объединит Бостона и Эрназара, которого именно судьба привела в чабанскую бригаду. «Бостон и Эрназар были истинными трудягами и потому родственными душами Однако случилось так, что, пожалуй, именно эта черта и сыграла свою роковую роль в их жизни...» [715].

Направляющая сила судьбы чувствуется и в том, что Бостон женится на вдове своего друга. «Ведь никогда не думали они – ни он, ни она, – что доведется им стать мужем и женой и что народится у них сын: ведь если б не погиб ее прежний муж Эрназар

на перевале и если б не умерла вслед затем первая жена Бостона Арзыгуль, никогда бы этому не бывать» [699]. И. Золотусский считает, что «смерть Эрназара в горах нужна Айтматову, чтоб свести Бостона с его женой, чтоб родился Кенджеш; с одной стороны – дитя любви, с другой – дитя греха. Потому что Эрназар погиб отчасти по вине Бостона».

Неспроста автор заостряет внимание на их семейном счастье и любви Бостона к сыну. Писатель указывает на те моменты, когда решается судьба героев книги. Вспомним эпизод, когда Базарбай в сопровождении провожатых увозит из дома Бостона волчат: «И трое всадников, балагурия, ехали к Таману и не подозревали, что той ночью завязались крепким – не распутаешь – узлом тяжкие судьбы...» [698].

Это дает основание предположить, что судьба зависит от поступков человека, но после какого-то шага все идет по определенному, чаще трагическому, сценарию. В то же время не остается до конца понятным, как соотносится судьба в качестве предопределенности, которая «ищет людей», и морально-нравственный выбор героев, акцентируемый писателем во многих интервью. На наш взгляд, временами интуитивно создаваемая художником концепция судьбы здесь входит в конфликт с публицистическим стержнем прозы.

В романе «Тавро Кассандры» мотив судьбы проявляется на всех уровнях текста еще рельефнее, чем в двух уже проанализированных произведениях. Введенный в название образ Кассандры отсылает нас к предсказанию судьбы, вере/безверию пророчествам. На лексическом уровне мотив судьбы тоже проявляется гораздо сильнее, чем в двух предыдущих романах. Слово «судьба» возникает в произведении чрезвычайно часто. В основном, оно употребляется в двух значениях. Под судьбой имеется в виду сила, которая организует все вокруг. Главный герой романа футуролог Роберт Борк «стремится вечно упреждать судьбу»; «судьбе было угодно сподвигнуть» [32] Филофея на открытие кассандроэмбрионов; в зондаж-лучах космический монах видит «веление судьбы» [41]; в тексте есть предположение, что «судьба для того и удалила Филофея на космическую орбиту, чтобы он мог оттуда, с недосыгаемой высоты, сказать людям на Земле правду» [113] и т.д..

Второй круг значений слова «судьба» связан с типом жизненного пути, который складывается под влиянием внешних сил или каких-либо внешних обстоятельств. Мы имеем в виду такие контексты, как «я приму судьбу такой, какой она мне выпала, как и все люди во все времена» [34]; «он тревожно глядит в перископ своей судьбы зазеркальной подводной лодки» [40]; «ответственность всех и каждого за образ жизни, за судьбу потомков [53]; «но у всех своя судьба» [57]; «и все это в итоге обернулось той судьбой» [228] и т.д..

Отметим присутствие в романе фразеологических сочетаний, связанных с судьбой: «женщины, бросаемые всюду на произвол судьбы» [37]; «женщина, разделяющая с Борком судьбу» [139]; ждет судьба кого-либо; «я благодарен судьбе» [214]; «я был подобием иксрода по воле судьбы» [246] и т.д.

Новизна «Тавро Кассандры» заключается в фантастическом допущении о возможности познать судьбу. Мотив судьбы организует фабулу романа, в центре которого футуролог Роберт Борк. Его профессия описывается как нечто среднее между прорицателем и ученым: «чем глубже, казалось бы, постигал он с годами эту науку оракула, тем сильнее становилось ощущение сизифовой неизученности упорно изучаемого – перспектив живущего изо дня в день рода человеческого» [24–25]. Тут ощущается айтматовский синкретизм, который объясняется, с одной стороны, спецификой фантастического модуса, а с другой – возможно, отсутствием однозначного понимания судьбы у писателя. Некоторое противоречие заключается в том, что речь идет о футурологии как о науке, которая имеет дело с фактами, однако ее объектом является судьба, т.е. нечто иррациональное. В основе космической сюжетной линии лежит фантастическое допущение разгадки судьбы. Филофею раскрывается тайна кассандро-

эмбрионов – зародышей, которые в утробе матери сигнализируют о своем нежелании родиться на свет, предчувствуя тяжелую судьбу. Т.е. получается, что определенный путь уготовлен человеку в момент его зачатия, хотя автор оговаривается, что это лишь предрасположенность, которая может реализоваться или нет.

Личная судьба человека у Ч.Т. Айтматова органично вписана в судьбу всей человеческой цивилизации: участь каждого эмбриона зависит от генофонда человечества. Эта тесная связь отдельного человека со Вселенной прослеживается в айтматовских произведениях, начиная по крайней мере с «И дольше века длится день».

Таким образом, в романе «Тавро Кассандры» концепция судьбы впервые поставлена в центр повествования. При этом основные функции образа судьбы наследуются из предыдущих романов: писатель утверждает взаимосвязь человека и Вселенной, ставит вопрос об ответственности людей перед всем сущим, настаивает на необходимости пути нравственного самосовершенствования.

Литература

1. Айтматов Ч. Т. Тавро Кассандры: Роман, повести. СПб., 2007.
2. Айтматов Ч. Плаха // Айтматов Ч. Белый пароход. И дольше века длится день. Плаха. М., 2013.
3. Айылчиева Д.Т. Дидактические и когнитивные аспекты лингвопаремиологии . [Текст] / Д.Т. Айылчиева //Наука и новые технологии. № 5 2014. - С. 237-239.
4. Акматалиев А. Тема манкуртизма в произведениях писателей Центральной Азии (Ч.Айтматов, А. Кекильбаев, Т. Джумагельдиев) //38 ICANAS: Международный конгресс по изучению Азии и Северной Африки: сборник статей. Анкара, 2008.
5. Васильева Ю.О. «Проблема антропологического кризиса в поздней прозе Ч.Айтматова и В. Распутина» Саратов, 2018.
6. Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб., 2003. С. 206.
Кыргыз тилинин создугу. Б.: 2010, -с.1128.
7. Саркулова М. Философское мифотворчество Ч. Айтматова // Поиск. 2001. № 5. С. 237.
8. Семенова С. Преодоление трагедии: Вечные вопросы в литературе. М., 1989. С. 408.